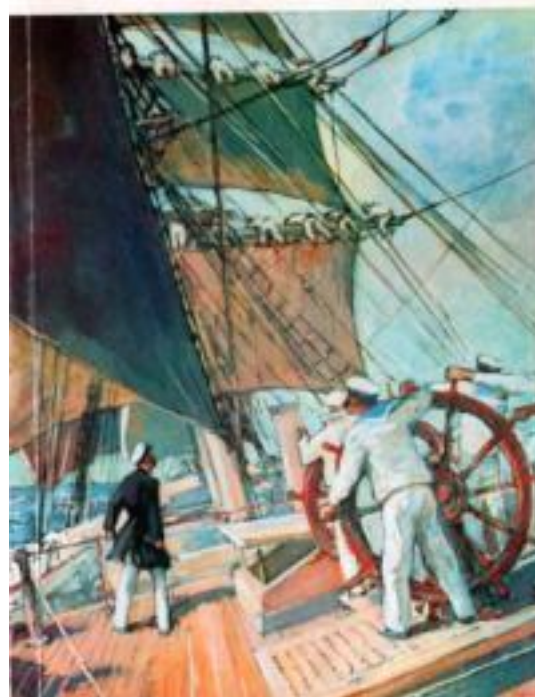

К.М.Станюкович

МОРСКИЕ РАССКАЗЫ

«Морские рассказы»

Константин Станюкович

Добрый

«Public Domain»

1901

Станюкович К. М.

Добрый / К. М. Станюкович — «Public Domain»,
1901 — («Морские рассказы»)

Содержание

I	5
II	7
III	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Константин Михайлович Станюкович

Добрый

(Из дальнего прошлого)

Посвящается Е.Д.Синицкому

I

Однажды, в начале декабря 186* года, когда щегольской корвет «Кречет» стоял на двух якорях на большом рейде Батавии, я – тогда юный гардемарин – правил вахтой с полуночи до четырех утра.

Огни были потушены. Вокруг царил тишина.

Капитан и большая часть офицеров были на берегу. Старший офицер, штурман, механик и «батя», как все звали иеромонаха Антония, никуда не съезжавшего с корвета, давно спали в своих душных каютах.

Команда спала на палубе. Отделение вахтенных дремало, примостившись на бухтах снастей и у пушек.

Только бодрствовали двое часовых да шагал взад и вперед по шканцам вахтенный унтер-офицер.

Не спал и один из вахтенных матросов – Аверьян Шняков.

Это был старший рулевой, серьезный и старательный человек лет под сорок, любивший иногда пофилософствовать на баке и вступавший охотно в беседы с теми офицерами, особенно с молодыми, которые пользовались его расположением за то, что не наказывали линьками, не дрались и не очень ругались.

Прислонившись к борту на шканцах, Шняков тихо мурлыкал под нос какую-то песню. И вдруг, обрывая ее, поднимал голову и вдумчиво смотрел на небо, усеянное брильянтами мигающих звезд, среди которого медленно-величаво поднималась томная и словно бы самодовольная луна.

Она, как говорят моряки, светила во «всю рожу».

Шняков вдыхал полной грудью нежную прохладу южной ночи и, казалось, проникновенно любовался ею.

Действительно, почти безмолвная и таинственная, она была прелестна.

Море едва трепетало рябью, отливавшее серебром, и словно о чем-то ласково шептало. И оно манило бы к себе, если бы по временам не показывалась над водой, совсем близко, отвратительная плоская большая голова каймана с неподвижными глазами.

На такой рейдовой вахте делать решительно нечего.

Я уж налюбовался ночью, до усталости шагал по мостику, мечтая о писательской славе, обошел два раза палубу – убедиться, что часовые не спят, и, прислонившись к поручням, вдруг почувствовал, что неотразимая и властная дрема сию минуту охватит меня.

«О, как хорошо заснуть!.. Какое наслаждение!.. Но вахтенному офицеру нельзя... Я, конечно, не засну... Я только постою немного».

И в ту же секунду заснул.

Через минуту-другую не то дремы, не то крепкого сна, полного сновидений, я открыл глаза и, сконфуженный, отошел от предательских поручней, спустился с мостика и направился к Шнякову, чтобы в разговоре с ним разогнать сон.

Мы были в отличных отношениях.

Шняков знал, как я уважал его, отличного рулевого и необыкновенно чуткого к правде, и как любил слушать его. И он иногда рассказывал о прежней службе, о разных начальниках, с которыми служил, о правде и неправде. Особенно любил он рассказывать, когда мы вдвоем катались, бывало, на двойке под парусами и когда Шняков деликатно учил своего юнца начальника не одним только управлениям шлюпкой.

В его рассказах чувствовался слегка скептический ум, но не озлобленный после двадцатилетней службы, а словно бы смягченный философией его доброго сердца.

II

– Не спится, Шняков? – тихо спросил я, приблизившись к нему.

Он встрепенулся, точно внезапно оторванный от дум, и повернул ко мне залитое лунным светом простое с крупными чертами лицо, густо заросшее русыми баками, худощавое, крепкое и загорелое, с вдумчивыми и серьезными серыми глазами.

– Ночь, ваше благородие! – еще тише ответил он, словно бы боялся спугнуть чары волшебной ночи.

И прибавил:

– Задумался, глядячи...

– О чем?

– Мало ли о чем, ваше благородие... Уследи-ка...

Шняков примолк и через минуту сказал:

– Хотя бы взять в понятие эти самые места...

– Хорошо!

– А крокодил да акул-рыба кишмя кишат... Вот вам и хорошо, ваше благородие! Опять же и то: надо и таким подлецам кормиться. Господь создал их для разбоя... Живи, мол, разбойничай... Ну и они что ни попало, своя рыба или человек, – все пища, и в пасть... Так ведь крокодил или акул-рыба без всякого понятия живет... На то он гад... Его и остерегайся... И убий... Можно... А ежели ты человек, да хуже крокодила... От его не убережешься... Прямо лезь в глотку, и шабаш!..

– Да ты разве таких людей знавал? Я только читал...

– То-то доводилось, ваше благородие... Мало ли околачиваюсь на флоте.

И, указывая рукой на рейд, прибавил:

– Вот на этом самом рейде матросики просто в отчаянность пришли... Кажется, наш брат не обидчист и терпелив, и то чуть было не начали вроде как бунтовать...

– И ты в Батавии был?

– Годов десять тому назад, ваше благородие. На клипере, на «Бойце», в дальнюю ходил... Капитаном у нас был Евгений Иванович Двинский... Может, слышали?

Я слышал, что Евгений Иванович Двинский, молодой адмирал, давно занимавший береговое место, был мягкий и очень добрый человек.

– И с таким добрым капитаном вы дошли до отчаянности? – воскликнул я.

– Что и говорить... Уж на что был добер! Не то чтобы наказать линьками или ударить, ругательного слова никому не сказал... Одно слово – вроде быдто андела был, ваше благородие!

– Так почему же вы хотели бунтовать?

– А потому, что ни с одним, самым что ни на есть злым, командиром не жили мы, как арестанты, с анделом Евген Ивановичем. Не вызволи нас тогда один матросик, многим бы пришлось пройти сквозь строй... Небось изволили слышать, какие были наши права при императоре Николае Павловиче, да ежели еще за быдто как за бунт, за то, что дошли до отчаянности и хотели просить отдышки... Небось на «Кречете» никто не подумает бунтовать! – прибавил Шняков.

Нечего и говорить, как я был изумлен в эту ночную вахту в Батавии.

– Расскажи, голубчик, про все... все... Это что-то непонятное... Порядочный и добрый командир и... вдруг... Да как же это могло случиться? – спрашивал я, взволнованный и недоумевающий.

– Что ж... Извольте слушать... Я вам обскажу про доброго командира, ваше благородие. Всяких видал, но только другого, как Двинский, не видал. Разве на сухой пути доведется услы-

шать про такого ангела! – проговорил, усмехнувшись, Шняков и прибавил: – Сбегать на бак... Выкурю трубчонку и обернусь.

– Только, пожалуйста, поскорей, Шняков.

– Живо накурюсь, ваше благородие.

Через минуты две, которые показались мне бесконечными, Шняков вернулся на шканцы той быстрой походкой, какой обыкновенно ходят матросы на судах, прислонился к борту, взглянул на падающую звезду и среди тишины чудной ночи пониженным приятным голосом заговорил.

III

– Вот вы дивитесь, ваше благородие. А мы на «Бойце» спервоначалу вовсе в ошаление пришли, словно тебя ежели да неожиданно огорошили по башке марса-фалом! Да как же это, господи? Евгений Иванович Двинский, командир, мол, добрый и жалостливый, сам по своим правам на вверенном ему судне вроде как царь, и у его на клипере с людьми зверствовали и до того начали вгонять в тоску, что и не обсказать... Небось ошалеешь и потом захочешь войти в понятие насчет такой обидной нашей тоски, ежели на баке с людей стали снимать шкуры... И вскорости поняли, ваше благородие, какая капитанская доброта...

– Какая?

– Никчемная, прямо сказать, здряная! – убежденно и взволнованно промолвил матрос, слегка поднимая голос.

И после паузы продолжал:

– И нет хуже такой доброты для матросов. Я так полагаю по своему рассудку, ваше благородие. Только напрасно она обнадеживает матроса и пуще его обескураживает... Веру в доброго человека смущает и вводит в большую тоску... По крайности видишь: командир вроде бешеной собаки, и знаешь. А ведь голубь, форменный голубь, а тебя обанкрутил хуже, чем коршун... А все: голубь... И сам себя почитает голубем... И господа на «Бойце»: голубь да голубь... А как мы обрадовались, как увидели Двинского... Богу молились. Вот, мол, бог нам дал на редкость доброго командира... Приехал на клипер – такой смирный, приветный и с нами обходительный... А из себя высокий и аккуратный, вовсе чернявый, этак лет тридцати с небольшим, лицо белое, чистое и черные глаза добрые-предобрые... Вот небось этот подлец и дитю не обнадежит глазами! – прибавил чуть слышно Шняков и кивнул головой на воду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.